

**ТЕНДЕНЦИИ ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ
В ТЕОРИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ Д. РОЛЗА**

Д. В. Углов

Липецкий государственный технический университет

Поступила в редакцию 10 июня 2009 г.

Аннотация: статья посвящена анализу тенденций делиберативной политики в теории справедливости Д. Ролза. Рассматриваются различные аспекты реализации принципов социальной справедливости в политической и экономической сферах общественной жизни. Раскрывается внутреннее содержание демократических процедур, направленных на достижение гражданского консенсуса и определение содержания понятия справедливости. Статья представляет интерес для преподавателей философии, политологии, социологии; аспирантов, студентов и всех интересующихся проблемами социальной философии.

Ключевые слова: справедливость, правительство, либерализм, обдумывать, обсуждать, политическая философия, теория справедливости Д. Ролза, дискурс, проблемы коммуникации, императив, политическая культура, интерсубъективность, солидарность, мировоззренческий плюрализм.

Abstract: there are considered different aspects of social justice principles realization in social and economical spheres of public life. The inner essence of democratic procedures is revealed and aimed at the achievement of civil consensus and the definition of justice concept content. The article will be interesting for teachers of philosophy, politology, sociology; for students, postgraduate students and all those interested in the problems of social philosophy.

Key words: justice, government, liberalism, deliberation, political philosophy, D. Rawls's theory of justice, theory of communicative action, problem of communication, discourse, political culture, imperative, solidarity, intersubjectivity, pluralism of Weltanschauung.

В условиях постоянного усложнения и дифференциации структурных параметров жизнедеятельности современного общества, базовыми характеристиками которого, начиная со второй половины XX в., являются мультикультурализм и мировоззренческий плюрализм, одной из главных проблем становится поиск взаимопонимания между социальными группами и отдельными индивидуумами, чье различие между собой часто граничит с несовместимостью.

Сегодня в нашем мультикультурном мире мы стоим перед радикальным вопросом о том, на какой основе лучше всего строить свои взаимоотношения с другими, совсем не похожими на нас, членами общества, которые, в зависимости от контекста социальных связей, могут отличаться: цветом кожи, национальной принадлежностью, вероисповеданием, материальным благосостоянием, образовательным уровнем, культурными традициями, пониманием и интерпретацией этических

норм и ценностей. «В мультикультурных обществах, — подчеркивает современный философ Ю. Хабермас, — будет необходима «политика признания», так как идентичность каждого отдельного гражданина переплетена с коллективными идентичностями и ради стабилизации вынуждена попадать в сеть взаимного признания» [1, с. 290].

При этом нельзя игнорировать тот факт, что с переходом современных обществ к мировоззренческому плюрализму религия и укорененный в ней этос, рассматриваемые в качестве публичных основ значимости для морали, распадаются. В ареале культурного поля европейской цивилизации, неотъемлемой частью которой, со времени реформ Петра Великого, находится Российская Федерация, произошло обесценивание основных метафизических понятий (и соответствующей категории объяснения), что напрямую связано со смещением эпистемологического авторитета, который от религиозных учений перешел к современным опытным наукам.

В данных условиях морально-политическая философия и социальная практика неизбежно выходят, если использовать выражение уже упоминавшегося Ю. Хабермаса, на «постметафизический уровень обоснования» [2, с. 63].

Характеризуется это тем, что и в философии, и в общественно-политической реальности одновременно с сущностными понятиями метафизики распадается внутренняя взаимосвязь ассерторических высказываний с соответствующими им экспрессивными, оценочными и нормативными высказываниями. Иными словами, в аксиологическом поле либеральной демократии больше не существует трансцендентного или метафизического авторитета, который мог бы подвести бесспорное обоснование под ту или иную морально-политическую норму.

Это подталкивает исследователей, занимающихся разработкой философии политического либерализма, к поиску новых критериев обоснования и реализации основных принципов общественной жизни, и прежде всего — социальной справедливости — как «первой добродетели общественных институтов» [3, с. 19].

Одной из наиболее интересных и перспективных, на наш взгляд, концепций общественного развития является модель делиберативной демократии, которая в последние годы активно разрабатывается в западной, прежде всего, немецкой (Хабермас) и американской (Майклман), социальной философии. Делиберативная демократия или делиберативная политика (англ. Deliberate — «совместно обсуждать») представляет собой такую модель общественного устройства, при которой формирование общественного мнения и политической воли в публичной сфере и парламенте страны подчиняется не структуре рыночных процессов или навязанной идеологии, но самобытной инициативе социальной коммуникации граждан, ориентированной на достижение взаимопонимания и защиту собственных интересов.

Общество, построенное на принципах делиберативной политики, — это ассоциация равноправных граждан. Ее первый принцип состоит в

создании и обеспечении сферы публичности, в рамках которой люди спорят и рассуждают о правовых условиях их сосуществования в обществе. Эти условия они должны выработать совместно, посредством процедуры дискурса, являющейся основой их политической коммуникации.

Уже упоминавшийся американский философ и социолог Ф. Майклман комментирует данную модель следующим образом: «Делиберативность... указывает на принятие определенной установки, направленной на социальное сотрудничество, а именно: установки открытости, готовности внимать разумным доводам, сопровождающим заявления других лиц, так же, как своим собственным. Делиберативная среда предоставляет возможность для добросовестного обмена мнениями, — в том числе для того, чтобы его участники отчитались, как каждый из них сам понимает свои жизненные интересы, — ...когда в том или ином решении, если оно принимается, выражается некое обобщенное суждение» [2, с. 389].

Необходимо отметить, что в этом случае существование государства оправдано стоящей перед ним целью организации и упорядочивания сферы публичности, в рамках которой частные лица могут обрести свободу в смысле самоуправления, обмениваясь разумными доводами в процессе дискурса.

Таким образом, делиберативному (дискурсивному) понятию демократии соответствует модель децентрализованного общества, где достигнута более высокая ступень интерсубъективности процессов взаимопонимания, которые осуществляются, с одной стороны, в институционализированной форме совещаний парламентского корпуса, равно как с другой — в сети коммуникации политической общественности. Ю. Хабермас интерпретирует этот процесс следующим образом: «Бессубъектные коммуникации внутри и вне запрограммированных на принятие решений политических объединений образуют арену, где может происходить более или менее рациональное формирование общественного мнения и политической воли по поводу значимых для всего общества тем и нуждающихся в регулировании дел» [2, с. 396].

В результате делиберативной политики сформированное в процессе политической коммуникации общественное мнение должно трансформироваться посредством выборов в институционализированные решения и законодательные постановления, за счет которых коммуникативно созданная власть становится властью административно применяемой.

В этих условиях последовательно проводимый гражданами политический дискурс приобретает характер обязательной силы в отношении способа осуществления политического господства. Административная власть, таким образом, может осуществляться только на основе публичности и абсолютной прозрачности для общественного контроля и в рамках законов, создаваемых в ходе процесса социальной коммуникации граждан.

Именно с точки зрения соответствия принципам делиберативной политики нам хотелось бы проанализировать теорию справедливости Джона Ролза (1921—2002), уже ставшую классической в традиции философии политического либерализма, но при этом не потерявшую своей актуальности, несущую в себе потенциал для развития в контексте идей дискурсионной демократии.

Хотя понятия равенства, справедливости и свободы всегда находились в фокусе философского анализа, значение отдельных категорий исторически весьма изменчиво и зависит как от теоретической активности той или иной школы, так и от общей политической ситуации. Так, в 60—70-е гг. XX в. основные дискуссии в западной социальной философии велись вокруг категории справедливости под влиянием теоретиков неозгалитаризма, которые развивали свои взгляды в контексте идей деонтологического либерализма и формирования концепции «общества всеобщего благосостояния» [4, с. 220—226].

В 1971 г. вышел в свет фундаментальный труд американского философа, профессора Гарвардского университета Джона Ролза «Теория справедливости», практически сразу оказавшийся в центре дискуссии как в академических, так и в политических кругах. Так, исследователи отмечают: «Теория Роулса послужила мощным возбудителем, катализатором философских споров и дискуссий, затронувших как проблемы метода, так и весьма широкий пласт социально-политической проблематики» [5, с. 5].

Уже в начале книги Ролз заявляет, что его теория — «кантианская по природе» в смысле предпочтения теории общественного договора Д. Локка, Ж.-Ж. Руссо и И. Канта и ее направленности против утилитаризма Д. Юма, И. Бентама и Д. Милля. «Моя цель, — утверждает мыслитель, — состоит в представлении концепции справедливости, которая обобщает до более высокого уровня абстракции знакомую теорию общественного договора» [3, с. 25]. Именно договорная основа концепции Ролза позволяет оценивать его теорию справедливости с точки зрения соответствия основным принципам делиберативной политики.

Теория общественного договора предполагает ситуацию, в которой люди, не обладающие политическими (а возможно, и социальными) правами и обязанностями, достигают анонимного соглашения об основах организации социальной и политической системы, в которой они уже будут обладать правами и обязанностями, включая и обязанность соблюдения условий заключенного соглашения. В концепции Ролза, названной им «справедливость как честность», данному положению соответствует идея процедурной беспристрастности, честности в «исходном положении» (его версии «естественного», до-общественного, до-политического состояния), превращающейся в принципы справедливости.

«Скорее, основная идея здесь в том, — подчеркивает философ, — что принципы справедливости для базисной структуры общества являются объектами исходного соглашения. Это такие принципы, которые свободные и рациональные индивиды, преследующие свои интересы в

исходном положении равенства, примут в качестве определяющих фундаментальные соглашения по поводу своего объединения. Эти принципы должны регулировать все остальные соглашения; они специфицируют виды социальной кооперации, которые могут возникнуть, и формы правления, которые могут быть установлены» [3, с. 26].

При этом, для того чтобы соглашение стало возможным и имело положительный результат, Ролз оговаривает некоторые предварительные условия, а именно:

1) участники соглашения должны признавать, что сотрудничество людей возможно и необходимо;

2) участники соглашения должны придерживаться принципа рационального выбора;

3) участники договора должны иметь естественное стремление к получению определенных приоритетных благ, которые в широком смысле Д. Ролз характеризует как права и свободы, возможности и власть, доходы и благосостояние. «...Обстоятельства справедливости возникают всякий раз, когда люди выдвигают конфликтующие притязания на дележ социальных преимуществ в условиях умеренной скудости. Пока этих обстоятельств не существует, — поясняет философ, — нет повода к возникновению добродетели справедливости, точно так же, как в отсутствии угрозы жизни или ранения не было бы физической храбрости» [3, с. 121];

4) договорной процесс должен ограничиваться минимальными требованиями морали, достаточными, тем не менее, для того, чтобы принципы, принятые участниками договора, носили всеобщий, универсальный с точки зрения применения общественный характер;

5) участники договора должны обладать чувством справедливости и иметь желание проводить соответствующие принципы в жизнь [3, с. 24—30].

В виде отступления необходимо пояснить, что объективность и беспристрастность делиберативной процедуры «исходного положения», по мысли Ролза, должен обеспечить «занавес неведения», иначе говоря, принцип незнания, который участники предполагаемого соглашения добровольно принимают в качестве базового правила ведения дискуссии. Участники договора не должны знать, какое место в обществе они занимают. Такое незнание гарантирует, как считает мыслитель, беспристрастность и не дает им возможности принять решение из эгоистических, а не общих соображений. «Занавес неведения» исключает информацию об их принадлежности к социальному классу и занимаемой должности, профессии, о состоянии, таланте, уме, физической силе, здоровье, природе существующего общества и индивидуальной концепции блага [3, с. 32—33].

Как отмечает Т. А. Алексеева, «в сущности это не что иное, как обобщение обычной практики в суде присяжных, когда судья просит членов жюри не принимать во внимание какую-то информацию относительно обвиняемого, для того чтобы вынести справедливый приговор.

Иными словами, чтобы сформулировать принципы справедливости, необходимо вообразить себе людей, искусственно лишенных важной и разносторонней информации о них самих» [5, с. 16].

Интересен тот факт, что оригинальная модель общественного договора, ситуация гипотетического выбора, которую Д. Ролз назвал «исходным соглашением», впервые была выдвинута им еще в 1958 г. и с тех пор постоянно уточнялась, развивалась автором вплоть до самой его смерти. Ее целью была разработка модели социального выбора через обращение к специально для этого сконструированной ситуации индивидуального выбора, который легче разрешается благодаря рациональному анализу и процедурам процесса принятия решения.

«С моей точки зрения, — отмечает в связи с этим Ролз, — одна концепция справедливости более разумна по сравнению с другой, или более обоснована, если рациональные личности в исходном положении могли бы выбрать свои принципы вместо тех или иных принципов справедливости. Концепции справедливости должны быть ранжированы согласно их приемлемости для личностей, поставленных в некоторые обстоятельства. Понимаемая в этом смысле проблема обоснования разрешается путем дискуссии относительно того, какие принципы было бы рационально принять при данной договорной ситуации. Это связывает теорию справедливости с теорией рационального выбора» [3, с. 31].

«Справедливость как честность» отличается от других традиционных «договорных» теорий тем, что результатом исходного соглашения, разработанного Д. Ролзом, является не группа обязанностей, применимых к индивидам, а принципы справедливости, относящиеся к основополагающей структуре общества. «Для нас главный субъект справедливости, — подчеркивает мыслитель, — базисная структура общества, или более точно, способы, которыми основные социальные институты распределяют фундаментальные права и обязанности и определяют разделение преимуществ социальной кооперации» [3, с. 22].

Хорошо организованное или вполне упорядоченное общество, с целью создания которого и должны применяться все перечисленные выше критерии и процедуры, по мысли Ролза, будет соответствовать следующим принципам.

«Первый принцип: каждый индивид должен обладать равным правом в отношении наиболее общей системы равных основных свобод, совместимой с подобными системами свобод для всех остальных людей.

Второй принцип: социальные и экономические неравенства должны быть организованы таким образом, что они одновременно:

- а) ведут к наибольшей выгоде наименее преуспевших, в соответствии с принципом справедливых сбережений, и
- б) делают открытыми для всех должности и положения в условиях честного равенства возможностей» [2, с. 267].

При этом сумма социальных выплат и выгод от важнейших коллективных благ должна быть такой, чтобы увеличить ожидания наименее

удачливых в соответствии с необходимыми сбережениями (в государственных фондах) и поддержанием равных свобод. Когда базисная структура принимает эту форму, по мнению Ролза, результирующее распределение будет справедливым (или, по крайней мере, не будет несправедливым), каким бы оно ни было. Каждый получает совокупный доход (зарботки плюс социальные выплаты), на которые он имеет право при публичной системе правил, служащих основанием его законных ожиданий [3, с. 268].

Возвращаясь к вопросу о тенденциях делиберативной политики в концепции Д. Ролза, следует подчеркнуть, что в основе «справедливости как честности» лежит либеральный взгляд на общество, в соответствии с которым граждане сами являются источником своих прав и обязанностей, что априорно делает необходимым возникновение различных форм социальной кооперации и политической коммуникации. Данная теория дает представление о политическом обществе именно как о форме ассоциации, целью которой является защита интересов его членов на основе внутренней автономии каждого. Ролз подчеркивает: «В справедливости как честности общество интерпретируется в качестве кооперативного предприятия во имя взаимной выгоды» [3, с. 85].

Согласно замыслу автора концепции, вполне упорядоченное общество может эффективно функционировать лишь при наличии высокого уровня коммуникативных связей, чувства солидарности между его членами и наличием самых разнообразных общественных ассоциаций. Как отмечает Ролз, такое общество (соответствующее справедливости как честности) само образует социальное объединение. Это «социальное объединение социальных объединений. Здесь присутствуют обе характерные черты: успешное осуществление справедливых институтов представляет собой общую конечную цель всех членов общества, и эти институциональные формы оцениваются как благо сами по себе. <...> Когда все стремятся соблюдать эти принципы и каждый преуспевает, то индивидуально и коллективно их природа в качестве моральных личностей реализуется наиболее полно, а вместе с ней и их индивидуальное и коллективное благо» [3, с. 458].

Для нормального функционирования коммуникационной инфраструктуры вполне упорядоченного общества, по мнению Ролза, достаточно того, чтобы для каждого человека нашлась какая-то ассоциация (одна или более), которой он принадлежит и внутри которой виды деятельности, рациональные для него, признаны также и другими. Таким образом, повышается уровень солидарности между гражданами и личное самоуважение каждого из них.

При этом философ признает, что люди обладают различными способностями и возможностями, и то, что кажется интересным и стоящим одним, не будет казаться таковым для других. Однако во вполне упорядоченном обществе имеется разнообразие объединений и ассоциаций, и члены каждой из них имеют свои собственные идеалы, отве-

чающие их устремлениям и талантам. Если судить с точки зрения доктрины перфекционизма, деятельность многих групп может не обнаружить высокую степень совершенства. Но это, как считает Ролз, не важно. Важно то, что внутренняя жизнь этих ассоциаций приспособлена к возможностям и желаниям своих членов и обеспечивает надежное основание для чувства их собственного достоинства и гражданской солидарности. «Абсолютный уровень достижений, даже если он мог бы быть определен, не существенен. Но в любом случае как граждане мы должны отвергнуть стандарт совершенства в качестве политического принципа и в целях справедливости избегать любых оценок относительно ценности образа жизни друг друга» [3, с. 386].

Такая социальная модель, по мнению Д. Ролза, делает любые общественно-политические и экономические инициативы эффективными и выгодными для всех: «У каждого концепция блага, задаваемая его рациональным планам, является подпланом более широкого плана, который регулирует сообщества как социальное объединение социальных объединений» [3, с. 486]. Многочисленные ассоциации различных размеров и назначений, приспособленные друг к другу публичной концепцией справедливости, упрощают решение проблем в любой сфере общественного бытия, предлагая определенные идеалы и формы жизни, которые формировались и проверялись бесчисленными индивидами, а иногда и многими поколениями.

Таким образом, точно так же, как один человек должен принимать решение относительно своего жизненного плана в свете полной информации (в коммуникативном сообществе в этом случае никаких ограничений не накладывается), так и множество людей должно установить условия кооперации в ситуации, которая дает всем представительство в качестве моральных существ. Цель сторон в исходном соглашении заключается в установлении справедливых и благоприятных условий каждому, чтобы тот смог сформировать себя как целостное существо. Их фундаментальный интерес в свободе и в средствах ее честного использования является выражением их восприятия самих себя в первую очередь как моральных личностей с равными правами на выбор своего образа жизни [3, с. 486—487].

При условии выполнения всех перечисленных выше условий мы получаем, согласно концепции Д. Ролза, вполне упорядоченное общество, «эффективно регулируемое публичной концепцией справедливости» [3, с. 470]. Члены такого общества являются свободными и равными моральными личностями, каковыми они себя и рассматривают. То есть все они имеют фундаментальные цели и интересы, во имя которых полагают допустимым предъявить притязания друг к другу и рассматривают себя в качестве имеющих право на такие притязания. У них есть право на равное уважение к себе и право определять принципы, по которым должна управляться базисная структура общества, и они с полным основанием считают себя имеющими такое право [3, с. 469—470].

Такое децентрированное общество полностью соответствует понятию делиберативной демократии. Для ее полного осуществления автономные общественные организации должны добиться такого сочетания власти и разумного самоограничения, которое способно сделать управляющие механизмы государства и хозяйства достаточно восприимчивыми по отношению к целенаправленным результатам народного волеизъявления.

При наличии принципов справедливости само государство должно пониматься как ассоциация, состоящая из равных граждан. Оно не занимается философскими или религиозными доктринами, но регулирует преследование индивидами их моральных и духовных интересов в соответствии с принципами, на которые они сами согласились бы в исходной ситуации равенства. Пользуясь своими возможностями в контексте делиберативной политики, правительство выступает агентом граждан и удовлетворяет их требования публичной концепции справедливости.

«Теория справедливости» Джона Ролза знаменует собой веху в новейшей истории социальной философии. Отмечая ее значение, Ю. Хабермас, в частности, отмечает: «Став в оппозицию утилитаризму, с одной стороны, и ценностному скептицизму — с другой, он предложил интересубъективистскую трактовку кантовского понятия автономии: мы действуем автономно, если строго повинемся законам, которые могли бы быть с полным основанием приняты всеми, кого это касается, на основе публичного употребления их разума. Этим моральным понятием автономии Ролз пользуется как ключом для объяснения политической автономии граждан демократического правового государства» [2, с. 119—120].

Таким образом, Ролз использует тип рассуждений, специфически присущий моральному дискурсу, а полученные результаты пытается затем внести в область политики через рациональный процесс переговоров и соглашения между людьми, хотя и обладающими личными интересами, но ограниченными требованиями морали. Как следствие конфликты, антагонизмы, отношения господства и подчинения, насилие и принуждение просто исчезают, и начинает функционировать делиберативный механизм взаимодействия мнений и амбиций, регулирование которых не нуждается в более высоком уровне по отношению к политическому решению.

В целом теория Д. Ролза вносит существенный вклад в разработку фундаментальных философских основ демократического процесса и содержит конструктивные тенденции делиберативной политики, что подчеркивает ее актуальность в условиях мультикультурализма и мировоззренческого плюрализма современного общества.

Литература

1. Хабермас Ю. Политические работы / Ю. Хабермас ; сост. А. В. Денежкина ; пер. с нем. Б. М. Скуратова. — М. : Праксис, 2005. — 368 с.
2. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. — СПб. : Наука, 2001. — 417 с.

3. Ролз Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз ; пер. и науч. ред. В. В. Целищев. — Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. — 535 с.

4. Тейлор Ч. Пересечение целей : спор между либералами и коммунистами / Ч. Тейлор // Современный либерализм : Ролз, Бёрлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон / пер. с англ. Л. Б. Макеевой. — М. : Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. — 248 с.

5. Алексеева Т. А. Справедливость. Морально-политическая философия Джона Роулса / Т. А. Алексеева. — М. : Наука, 1992. — 112 с.

*Липецкий государственный техни-
ческий университет*

*Углов Д. В., аспирант кафедры фи-
лософии*

E-mail: ena-lko5@yandex.ru

Тел.: (4742) 32-80-66

Lipetsk State Technical University

*Uglov D. V., Postgraduate Student of
the Philosophy Department*

E-mail: ena-lko5@yandex.ru

Tel.: (4742) 32-80-66